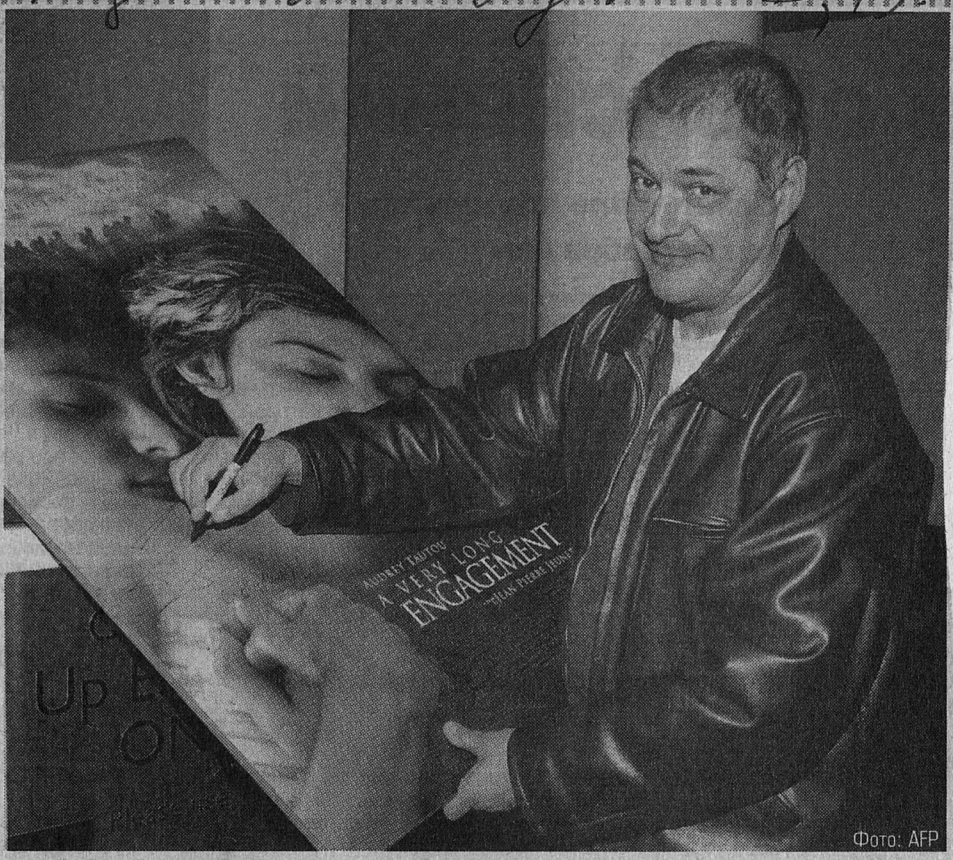

Фото: AFP

“когда я просыпаюсь по утрам, чувствую себя солдатом”

Жан-Пьер Жене — **Газете**

Выдающийся кинорежиссер Жан-Пьер Жене вернулся после «Амели» с фильмом «Долгая помолвка», где вновь сыграла Одри Тоту. Этим вечером сам автор представит картину на премьере в Москве в кинотеатре «Пушкинский» — на открытии пятого фестиваля «Французское кино сегодня». А накануне, сразу после мировой премьеры, с Жан-Пьером Жене в Париже встретился Антон Долин.

«Долгая помолвка» — самый высокобюджетный фильм за всю историю французского кино. Не страшно было приступать к столь масштабному проекту?

Что вы, наоборот. В этом было что-то воодушевляющее, даже возбуждающее. Знаете, в каждом из моих предыдущих фильмов вы видите лишь пять-шесть человек в одном коридоре… Даже в «Чужом 4» — вроде бы голливудском фильме — то же самое. В «Долгой помолвке», правда, опять не обошлось без ограниченных пространств, но ими дело не исчерпывалось. Такая массовка! Меня вдохновлял опыт Дэвида Лина, некоторые фильмы которого я очень люблю.

Ваш фильм спродюсирован крупнейшей голливудской студией Warner Bros.

Я вас поправлю: Warner Bros. — не столько продюсер, сколько международный дистрибьютор картины. Warner — один из продюсеров. Но я снял французский фильм!

▶ СТР 13

газета — с 1; 13. 150

“когда я просыпаюсь по утрам, чувствую себя солдатом”

Жан-Пьер Жене — **Газете**

Фото: AP

◀01 СТР

Значит, никакого давления, никакого влияния Америки?
Нет, абсолютно никакого. Вот она, давняя и неисполнимая мечта! Когда я впервые встречался с представителями Warner в Голливуде, очень волновался. Я сказал им: хочу снимать фильм по-французски, мне очень нравится история, и я не хочу, чтобы она была рассказана на манер Кубрика в «Путях славы». И вообще, это странно, когда американские актеры играют французов! А они вдруг ответили — о'кей, никаких проблем. Я сказал: ваш сценарий мне не нравится, я его выброшу и буду писать свой! А они — никаких проблем. Тогда я говорю: кроме того, мне необходимо право утверждать окончательную версию монтажа. И они согласились даже на это. Оказалось, они сами хотели сделать фильм по-французски. Конечно, они могли бы давить на меня во всем — от выбора актеров до любой реплики в сценарии. Но они этого не сделали.

И вас не волнует коммерческий аспект?
Нет. Хотя я всегда очень внимательно относился к соблюдению бюджета, никогда в жизни его не превышал. В том числе и здесь.

Я о другом — не боитесь, что фильм провалится в прокате и не повторит успех «Амели»?
Кто знает… Я свою работу сделал, был искренним во всем, выкладывался по максимуму. Теперь… Воспоминание об «Амели» не мешает мне: такой успех бывает раз в жизни и больше не повторяется. Это было своего рода чудо, и мне повезло, что в моей жизни такое чудо случилось. Толпы зрителей, горы наград, исключительно хорошие рецензии — часто ли такое бывает? Со мной это уже было. Что же касается успеха «Долгой помолвки», то в нем я более или менее уверен. Мы еще перед официальной премьерой в Париже объездили несколько провинциальных городков, где показывали картину местной публике, и реакция была очень благожелательной. Нам так аплодировали! Журналисты тоже хвалят наш фильм. Даже Liberation, которая готова любого зарезать, посвятила мне три страницы! И знаете, что еще я слышал? Cahiers du Cinema — ну, вы в курсе, это такой таинственный журнал, мало кто понимает хоть слово из того, что они пишут; они меня там все ненавидят с первого фильма и до сих пор… так вот, мне говорили, что даже им понравилось! Вот повод поволноваться: может, я действительно что-то сделал не так? (*Смеется.*)

У вас получился арт-фильм или все-таки это массовое искусство?
«Долгая помолвка» — очень популярный арт-фильм, я бы так сказал. Его не назовешь коммерческим, как продукцию Люка Бессона… и кун-фу здесь у меня нет. Может, включить эпизоды с боевыми искусствами в специальное издание на DVD? (*Смеется.*) С другой стороны — это мой собственный, авторский фильм. Я был честен в этой картине. Мне повезло как никому: я сделал фильм для себя — речь об «Амели» — и прославился на весь мир.

«Долгая помолвка» — менее личный фильм?
Не менее — я просто-таки влюблен в книгу Себастьена Жапризо! Друг посоветовал мне прочитать его последний роман «Долгая воскресная помолвка» — дескать, там о Первой мировой, мне понравится! Я был потрясен — прежде всего сильным характером Матильды. Уже потом я понял, что если сделаю фильм по этому роману, то смогу воплотить давнюю мечту о военном фильме, а кроме того, воссоздать на экране Париж начала XX века.

Вы многое изменили в книге, когда писали сценарий?
Нет, мало. Я был верен книге во всем, что связано с сюжетом. Но книга наполовину состоит из писем — это в фильме не передашь, так что пришлось кое-что изменить. Матильда стала несколько активнее… В романе она постоянно находится в инвалидном кресле, и, читая книгу, ты вскоре об этом забываешь: в фильме такой номер бы не прошел. Так что пришлось сделать ее хромоножкой, жертвой полиомиелита. Все убийства, совершенные Тиной Ломбарди, придумал я, в книге они не были описаны столь подробно.

Сходство с «Амели» чувствуется во многом, начиная с образов главных героинь. Кто на кого повлиял, Амели на Матильду или Матильда на Амели — ведь книгу Жапризо вы прочли много лет назад?
Это взаимное влияние Матильды и Амели. Когда я впервые прочитал «Долгую воскресную помолвку», то сразу стал думать, кто бы мог сыграть роль Матильды. Подумал сначала о Жюльетт Бинош — дело-то было 14 лет назад! Но потом появилась Одри Тоту, и тогда я спросил Warner Bros. о правах на роман Жапризо. Если бы они отказали, я бы, наверное, никогда не снял этот фильм… Однако Одри так изменилась со времен «Амели», что я бы не стал так прямо сравнивать Амели и Матильду. В «Амели» Одри — просто девчонка, а в «Долгой помолвке» — зрелая женщина, многое пережившая. Конечно, я использовал некоторые детали из характера Амели: например, смешные суеверия. Но сама Одри, пережившая славу, успевшая поработать со Стивеном Фрирзом и Аленом Рене, стала другой.

Изменилась в лучшую сторону?
Сейчас она просто стала более счастливой — она влюблена! Но об этом — никому ни слова (*смеется*).

Каково было снимать — впервые в жизни — реалистический фильм?
Странное ощущение. Но есть и преимущества. Например, когда я приступал к сценарию «Амели», я испытывал обычный страх, боязнь чистого листа. А когда уже есть замечательная история, придуманная кем-то другим, тебе гораздо проще. Почему я выбрал именно эту, реалистическую историю? Из-за моего давнего интереса к Первой мировой войне.

Чем вызван этот интерес?
Понятия не имею. Я с детства грежу о Первой мировой, и сам не знаю почему. Когда мне было 13—14 лет, я прочитал кипы книг на эту тему. Может, в прошлой жизни я был солдатом, погибшим на полях Первой мировой, — шучу я каждый раз. Возможно, в этой шутке есть доля истины. Не знаю ничего о реинкарнации, я далек от мистики, но кто знает? Когда я просыпаюсь по утрам, в момент между сном и пробуждением я чувствую себя солдатом. Я впервые попал на съемочную площадку, в наши траншеи, надел каску и форму и тут же почувствовал, что мне знакомы эти ощущения. Шутки шутками, но совсем недавно я встретил в Сан-Франциско парня, который пережил ровно то же самое! Может, мы умерли с ним вместе?

Готовясь к съемкам, вы читали романы или исторические книги о Первой мировой?
Я изучил пять-шесть самых известных французских романов — вы их вряд ли знаете, они, кажется, не переводились на другие языки — и одну немецкую книгу. Кстати, многое в романе Жапризо — чистая правда: некоторые французские военачальники действительно казнили провинившихся солдат, выбрасывая их без оружия на «ничейную землю» между окопами.

Собираетесь продолжить опыт, снять еще один-два исторических фильма?
Нет, скорее всего. Хотя… Самое сложное — найти подходящую историю, а ведь я читаю книги не переставая. За последние десять лет не прочел ни одной, которую хотел бы перенести на экран. К этому надо подходить серьезно: ведь четыре года моей жизни уйдут на фильм, и мне придется на время попрощаться с друзьями, не ходить в театр, только работать. Поэтому мне надо искренне любить историю, которую предстоит рассказать. Найти историю, способную внушить любовь, очень трудно.

А много ли вам чужих сценариев присылают из Голливуда?
Ну, как вам сказать… Была у меня тут встреча с большими шишками из Голливуда, предлагали мне какую-то ерунду… не помню, как называется… что-то о мальчике, который летает на метле… (*Смеется.*) Я отказался. Вообще-то я люблю работать и буду счастлив, если кто-то предложит что-то по-настоящему достойное. Какой подарок может быть лучше для режиссера, чем хороший сценарий?

Например, голливудская звезда, которая сама просится в ваш фильм, — ведь именно так обстояло дело с Джоди Фостер?
Не совсем. Мы с ней встретились, и она сказала, что хотела бы сыграть что-нибудь на французском языке. Я ответил: Джоди, идея превосходная, но я уже выбрал на главную роль Одри Тоту, она моложе…

Так и сказали?
Ну да, в дипломатичной форме. Так что я предложил Джоди маленькую роль, эпизод, который несколько разросся во время съемок. И, скажу я вам, как же здорово она работала и как же прекрасно говорила по-французски! Например, ее длинный монолог за кадром, когда она читает письмо, записан с первого дубля. А ведь она училась французскому в школе в Лос-Анджелесе и никогда не жила в Париже. Джоди — человек простой, милый и в высшей степени профессиональный. Звездой себя не считает.

Вообще забавно, когда звезды уровня Джоди Фостер или Чеки Карио играют у вас совсем маленькие роли, а менее известные исполнители — в центре внимания…
Да какая мне разница, звезды они или нет! Мне важно найти подходящего актера на конкретную роль, и все. Конечно, с Джоди Фостер было иначе — просто совпадение… Для «Долгой помолвки» после огромного успеха «Амели» я мог вербовать практически любых актеров, даже на самые крошечные роли. Никто мне не отказывал. Сначала я немного волновался, пара актеров все-таки сказали «нет»… Не буду называть имен.

А ваши постоянные и любимые актеры, Тики Ольгадо и Доминик Пинон, которые вновь играют здесь?
У меня все проходили пробы, эти двое в том числе. И самое забавное, что каждый из них был просто идеален для двух ролей: детектива и дяди. Но у нас были проблемы со страховкой — Тики в этот момент болел, и страховая компания не хотела покрывать его медицинские расходы в течение долгого времени. В итоге Доминик стал дядей, у которого больше сцен, а Тики — сыщиком. Для того чтобы Тики все-таки попал в фильм, мне даже пришлось ставить ультиматум продюсеру: «Не будет этого актера — не будет фильма». Пришлось им согласиться. И слава богу — сыграл Тики здорово. Как и Доминик.

Вы превратили Одри Тоту в звезду. Думаете, станет звездой и ее партнер по «Долгой помолвке», Гаспар Ульель?
Ему для этого я не нужен — он уже готовая звезда. Ему 19 лет, и он любит болтать, сниматься, позировать для фотографов. Он просто идеален! Но актер — потрясающий. Да, ему успех гарантирован.

Почему вы решили пригласить в качестве композитора Анджело Бадаламенти, с которым вы не работали со времен «Города потерянных детей»?
Для разных фильмов мне нужны разные композиторы. На этот раз я не мог выбрать из двух — Ханц Зиммер (автор музыки к фильму «Гладиатор». — **Газета**) или Анджело? Но в музыке Анджело есть главное: грусть и романтизм, а еще он способен писать оркестровую музыку, в отличие от Яна Тирсена, с которым мы работали на «Амели». Думаю, Анджело — идеальный выбор. А еще мне безумно понравилось записывать с ним музыку: ведь это происходило в Голливуде, в студии Stage One MGM, где записывались великие джазовые певцы и музыканты… Там же записывается Джон Уилльямс.

Оригинальные песни 1920-х годов для вас тоже подбирал Бадаламенти?
Нет, их я сам подбирал. Жаль только, что мы вовремя не озаботились вопросом о покупкой авторских прав, так что на компакт-диск войдет только саундтрек Анджело Бадаламенти.

Вспоминая о временах, когда вы впервые работали с Анджело, — о начале 1990-х... Куда подевался ваш компаньон по тем годам Марк Каро?
У него такая богатая фантазия! Проблема в том, чтобы превратить ее в кино. У него есть проект полнометражного фильма, разумеется, научно-фантастического и очень дорогого, для которого он до сих пор не нашел финансирования. Может, я сам попробую себя как продюсер и помогу ему…
У нас тут, во Франции, фантастика успехом не пользуется.

Однако некоторые эпизоды «Долгой помолвки» кажутся более дорогостоящими и сложными, чем любые фантастические трюки. Например, показанная всего на несколько секунд сцена наводнения в Париже.
Нет, это было легко. Затопили маленькое пространство, устроили там подобие бассейна, даже небольшого озера… Подумаешь! Куда сложнее было снять транспортную пробку на площади Оперы. Вот это было дорого и сложно. Зато как элегантно! Такая красота, и всего на три секунды — так, что зритель не успел опомниться, и ему хочется перемотать пленку обратно.

Правда ли, что некоторые сложные эпизоды вы репетировали на маленьких мобильных моделях, игрушечных на вид, собственного изготовления?
Чистая правда. Например, у меня были игрушечные траншеи. Мы не хотели таких же проблем, как у Терри Гиллиама на съемках «Человека из Ламанчи», которые были прерваны именно из-за недостаточной подготовки. Я снимал своего рода мультфильмы с моими моделями…

Включите их тоже в специальное издание на DVD?
Непременно, можете не сомневаться. Я вообще обожаю фильмы о фильме. Когда был ребенком, всегда мечтал узнать, как же делается кино. Фильмы «making of» — отличный урок для молодых кинематографистов. Мы сделали такой о «Долгой помолвке», огромный — на полтора часа.

Вы считаете «Долгую помолвку» антивоенным фильмом?
Антивоенное кино — это клише: никто не хочет войны, никто не выступает за войну — все против! Я хотел показать эту конкретную войну, о которой мы мало что знаем: есть буквально десять фильмов и чуть больше книг. Я-то знаю, я занимался вопросом очень подробно.
Я с войной не шутил, приберегал фантазию и юмор для сцен мирной жизни.
Я старался избежать жестокости, потому что в конечном счете моя картина — романтическая история любви. Так что мы не шли по пути Спилберга в «Спасая рядового Райана» и старались, чтобы было как можно меньше крови — даже в эпизодах смертей и убийств.

Вообще легко ли было соблюдать баланс между романтическими сценами и сценами войны?
Нелегко, но я старался. Проблемы с тем, чтобы задействовать мое специфическое чувство юмора даже в самых трагических эпизодах, не было: услышав шутку, зритель переведет дух, вытрет пот со лба, а это полезно даже в самом тяжелом и серьезном фильме. Проблема была в том, чтобы совместить реализм со сказкой. Надеюсь, мне это удалось.

«Амели» получила пять номинаций на «Оскар». Как вы думаете, «Долгую помолвку» ждет такой же успех?
Откуда я знаю? Я даже не знаю, будет ли успех в прокате… Это как накануне футбольного чемпионата кричать, что займешь первое место: слишком силен страх и риск вылететь на первом же матче. Не хочу я говорить об «Оскарах», это для Warner важно, а не для меня. Знаю, что Францию на «Оскаре» будет представлять фильм «Хористы», а попадет ли «Долгая помолвка» в другие номинации — не знаю.

Фильм выйдет в США с субтитрами?
Надеюсь, да. Терпеть не могу, когда мои фильмы дублируют. Вы меня извините, но немного странно слышать, как Амели говорит, скажем, по-немецки.

Вам легко расставаться с фильмом после того, как он завершен?
Во-первых, перерыва я не чувствую, поскольку сразу начинается компания по раскрутке фильма, в которой я принимаю активное участие — а это не менее утомительно, чем съемки. Во-вторых, мне, может, и хотелось бы что-нибудь еще улучшить и переделать, но как? Они отбирают у меня готовую копию…
«А можно здесь еще?..» — «Нет!» — «А тут?» — «Ни в коем случае!» И так далее. Ничего не поделаешь. Может, это даже к лучшему.

Джоди Фостер (слева) и Одри Тоту вместе с Жан-Пьером Жене на съемочной площадке фильма «Долгая помолвка»

газета

ценитель деликатесов

Жан-Пьер Жене родился 51 год назад во Франции, у берегов Луары. В конце 1970-х начал снимать анимационные короткометражки, затем основал кинематографический дуэт с Марком Каро. Их полнометражный дебют, футуристическая черная комедия о каннибалах «Деликатесы» (1991), стал настоящим событием во Франции и получил несколько премий «Сезар»; вторая картина Жене — Каро, более высокобюджетный и сказочный фильм «Город потерянных детей» (1995), не смогла повторить этот успех. В 1997-м Жене снял в Голливуде «Чужого-4: Воскрешение», впервые привнеся в знаменитую сагу элементы гротеска и задействовав на вторых ролях французских актеров. Самым громким успехом Жене на сегодняшний день стала парижская романтическая комедия «Амели» (2001), получившая 5 номинаций на «Оскар», «Сезара» и премию Европейской киноакадемии как лучший фильм года.